

нас никогда
здесь
не было
пьеса

Шаяхмет
Турыспек

Шаяхмет Турыспек

Нас никогда здесь не было

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70110910

SelfPub; 2023

Аннотация

1934 год, конец октября. Поселение для ссыльных в Архангельской области. В этой истории всего два героя – Ахмет Байтурсынов, великий казахский просветитель и ученый, к этому моменту уже 5 лет проведенный в лагере, и Екатерина Пешкова, правозащитница, глава "Политического Красного Креста", официальная жена М. Горького. В течение своей короткой встречи эти два немолодых человека подводят итоги прошлого, а, точнее, складывают сумму всего того, что они потеряли.

Шаяхмет Турыспек

Нас никогда здесь не было

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АХМЕТ БАЙТУРСЫНОВ – пожилой, высокий, грузный мужчина с усами и в очках

ЕКАТЕРИНА ПЕШКОВА – немолодая, но стройная женщина небольшого роста

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПЕРСОНАЖИ:

КОМЕНДАНТ СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ – зритель слышит только его грубый голос и видит его тень из сеней

БАБА ЛЕНА, ХОЗЯЙКА ИЗБЫ – зритель слышит только ее хриплый, всегда недовольный голос сверху печки, где она спит и греется.

ИЗБА. КОМНАТА АХМЕТА БАЙТУРСЫНОВА –
НОЧЬ

ИЗБА. БРЕВЕНЧАТЫЕ СТЕНЫ, ПЕЧЬ В УГЛУ, МАЛЕНЬКОЕ ЗАНАВЕШЕННОЕ ОКНО. У ОКНА – КРОВАТЬ, В КОТОРОЙ ЛЕЖИТ УКРЫТЫЙ РВАНЫМ ПОКРЫВАЛОМ АХМЕТ БАЙТУРСЫНОВ, СПИНОЙ К ЗРИ-

ТЕЛЮ. ИЗ ОКОШКА СВЕТИТ ТУСКЛЫЙ ГОЛУБОЙ СВЕТ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ. СЛЫШЕН ЗВУК ПРОНИЗЫВАЮЩЕГО МОРОЗНОГО ВЕТРА. ДВЕРЬ В СЕНИ ОТКРЫВАЕТСЯ ОТ СИЛЬНОГО ПОРЫВА ВЕТРА, И В КОМНАТУ ВРЫВАЕТСЯ СНЕЖНАЯ ПЫЛЬ. СО СТОЛА УЛЕТАЮТ НЕСКОЛЬКО ИСПИСАННЫХ ЛИСТОВ. ДВЕРЬ ХЛОПАЕТ И СКРИПИТ, ХОДЯ ТУДА-СЮДА. АХМЕТ МЕДЛЕННО САДИТСЯ НА КРОВАТИ, ЗАКУТАВШИСЬ В ПОКРЫВАЛО. ВСТАЕТ, БЕРЕТ СО СТОЛА ОЧКИ, ПОТОМ САДИТСЯ НА КОРТОЧКИ И ПОДБИРАЕТ ЛИСТКИ. НЕ ВСТАВАЯ С ПОЛА, ОН КЛАДЕТ ЛИСТКИ НА СТОЛ, ПОТОМ ПОДНИМАЕТСЯ. В КРУЖКЕ НА СТОЛЕ ОН КАРАНДАШОМ РАЗБИВАЕТ СВЕРХУ ВОДЫ ЛЕД. ОТПИВАЕТ И СТАВИТ КРУЖКУ НА ЛИСТКИ. ИДЕТ К ПЕЧИ – ОГНЯ ДАВНО НЕТ, У ПЕЧКИ ЛЕЖИТ ПАРА ДРОВ. ОН БЕРЕТ ОДНО ПОЛЕНО. ПОДНИМАЕТ ГОЛОВУ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Баба Лена... Баба Лена... Печь бы затопить... Потухла давно. Баба Лена!

СВЕРХУ ПЕЧИ РАЗДАЕТСЯ КРЯХТЕНИЕ, КАШЕЛЬ, А ПОТОМ ДОНОСИТСЯ ГОЛОС ХОЗЯЙКИ:

БАБА ЛЕНА:

Тепло еще... Спи, дорогой... Дверь прикрой – будет тебе тепло. Все жалуешься и жалуешься, жалуешься и жалуешься... Спи.

АХМЕТ РОНЯЕТ ПОЛЕНО, ИДЕТ К ДВЕРИ И КРЕПКО ЗАКРЫВАЕТ ЕЕ. ИДЕТ К КРОВАТИ И САДИТСЯ НА НЕЕ. СМОТРИТ В ОКНО. ПОДБИРАЕТ ЕЩЕ ОДИН ЛИСТОК С ПОЛА. ЗА СЦЕНОЙ ЗВУЧИТ ЕГО ГОЛОС:

БАЙТУРСЫНОВ:

На белоснежном ложе и пушистом,

Усни, малыш, без лишней суеты.

И вьется вихрь, и снег всюду кружится,

Надев на крыши белую постель.

Баю-баюшки-баю,

Усни, мой милый, в тишине,

Метель уйдет, снега растают,

И ты забудешься во сне.

ОН КОМКАЕТ ЛИСТОК. С УЛИЦЫ ДОНОСИТСЯ ЗВУК МАШИНЫ, ЧЬИ ФАРЫ НА МИГ ОСВЕЩАЮТ ДОМ СКВОЗЬ ОКОШКО. МАШИНА ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ, СЛЫШНО, КАК ХЛОПАЮТ ЕЕ ДВЕРЦЫ. ДВЕРЬ РАСПАХИВАЕТСЯ, И НА НЕЙ ВОЗНИКАЕТ ОГРОМНАЯ ТЕНЬ ЧЕЛОВЕКА (КОМЕНДАНТ). ЗВУЧИТ ГОЛОС КОМЕНДАНТА ИЗ СЕНЕЙ:

КОМЕНДАНТ:

Байтурсынов, встать!

БАЙТУРСЫНОВ ВСТАЕТ. СТОИТ СМІРНО, РУКИ ВЫТЯНУВ ВНИЗ И ОПУСТИВ ГОЛОВУ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Осужденный Байтурсынов Ахмет, готов трудом искупить свою вину!

ГОЛОС КОМЕНДАНТА ЗВУЧИТ УЖЕ МЯГЧЕ:

КОМЕНДАНТ:

К тебе гости, Байтурсынов... Добился своего.

БОЛЬШАЯ ТЕНЬ КОМЕНДАНТА УМЕНЬШАЕТСЯ И ИСЧЕЗАЕТ, СЛЫШНЫ УДАЛЯЮЩИЕСЯ ШАГИ. И ОСТАЕТСЯ МАЛЕНЬКАЯ ТЕНЬ НЕВЫСОКОЙ ФИГУРЫ НА ДВЕРИ, КОТОРАЯ ДО ЭТОГО СКРЫВАЛАСЬ ПОД ТЕНЬЮ КОМЕНДАНТА. ПО ТЕНИ ВИДНО, КАК ЧЕЛОВЕК СНИМАЕТ ЧТО-ТО ВРОДЕ ТУЛУПА, И СТАНОВИТСЯ ЯСНО, ЧТО ЭТО ЖЕНЩИНА, ДОСТАТОЧНО СТРОЙНАЯ. ЖЕНЩИНА ПОЯВЛЯЕТСЯ В ДВЕРЯХ – НА НЕЙ КОЖАНАЯ КУРТКА И КОЖАНЫЙ ЛЕТНЫЙ ШЛЕМ, НА ПЛЕЧЕ – БРЕЗЕНТОВЫЙ РЮКЗАК, А В РУ-

КАХ – ТУЛУП И САКВОЯЖ. ЭТО И ЕСТЬ ЕКАТЕРИНА ПЕШКОВА, ГЛАВА "ПОЛИТИЧЕСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА". ОНА ЗАКРЫВАЕТ ЗА СОБОЙ ДВЕРЬ, ВЕШАЕТ ТУЛУП С ШЛЕМОМ НА КРЮЧОК, СТАВИТ У ДВЕРИ САКВОЯЖ И РЮКЗАК, ПОДХОДИТ К АХМЕТУ. СМОТРИТ ЕМУ В ГЛАЗА. ПОТОМ САДИТСЯ НА КОРТОЧКИ И ПОДБИРАЕТ КОМОК БУМАГИ, РАЗВОРАЧИВАЕТ ЕГО. ПЫТАЕТСЯ ЧИТАТЬ, НО СВЕТА МАЛО. ЕКАТЕРИНА ИДЕТ И САДИТСЯ НА СТУЛ У СТОЛА, ПОДНОСИТ ЛИСТОК К СВЕТУ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ ИЗ ОКНА, ПЫТАЯСЬ ЧИТАТЬ. ПОТОМ ОНА БЕРЕТ КЕРОСИНОВУЮ ЛАМПУ, ТРЯСЕТ ЕЕ. АХМЕТ НЕУВЕРЕННО ПОДНИМАЕТ РУКУ, БУДТО ЖЕЛАЯ ЧТО-ТО СКАЗАТЬ.

ПЕШКОВА:

Керосина нет?

АХМЕТ ОТРИЦАТЕЛЬНО МОТАЕТ ГОЛОВОЙ.

ПЕШКОВА:

Вы садитесь, товарищ Байтурсынов.

АХМЕТ САДИТСЯ НА КРОВАТИ. ЕКАТЕРИНА ВЫТАСКИВАЕТ ИЗ КАРМАНА КОРОБКУ ПАПИРОС И СПИЧКИ, ЗАКУРИВАЕТ.

ПЕШКОВА:

А где хозяйка?

С ПЕЧИ ДОНОСИТСЯ КАШЕЛЬ И КРЯХТЕНЬЕ. ЕКАТЕРИНА СМОТРИТ ТУДА, КУРИТ.

ПЕШКОВА:

Понятно. Закурите?

АХМЕТ МОЛЧИТ. ПЕШКОВА ПРОТЯГИВАЕТ ЕМУ КОРОБКУ С ПАПИРОСАМИ И СПИЧКИ. АХМЕТ ПРИВСТАЕТ И БЕРЕТ КУРЕВО. ДРОЖАЩИМИ РУКАМИ ВЫТАСКИВАЕТ ПАПИРОСУ ИЗ КОРОБКИ, ЗАКУРИВАЕТ. КЛАДЕТ КОРОБКУ И СПИЧКИ НА СТОЛ, СНОВА САДИТСЯ НА КРОВАТЬ. ПЕШКОВА ВСТАЕТ И РЕШИТЕЛЬНО ПОДХОДИТ К ПЕЧИ.

ПЕШКОВА:

Елена Викторовна! Елена Викторовна! Ее ведь так зовут?

ОНА ПОВОРАЧИВАЕТСЯ К АХМЕТУ, ОН КИВАЕТ ГОЛОВОЙ. ПЕШКОВА КОМАНДНЫМ ГОЛОСОМ СНОВА ОБРАЩАЕТСЯ К ХОЗЯЙКЕ:

ПЕШКОВА:

Дайте керосину, Елена Викторовна!

ПОСЛЕ КАШЛЯ И КРЯХТЕНЬЯ РАЗДАЕТСЯ ГОЛОС
БАБЫ ЛЕНЫ:

БАБА ЛЕНА:

Керосину мало, милочка, дров нет, голодаем... Да и свет-
ло сейчас...

ПЕШКОВА:

Я привезла вам продуктов, после попрошу коменданта
выдать вам еще еды и керосину, Елена Викторовна! Где ке-
росин?

БАБА ЛЕНА:

Спаси вас Бог, дорогая... Дай ей керосину, Ахметушка...

АХМЕТ ВСТАЕТ И ИЗ НЕБОЛЬШОГО ШКАФА В УГ-
ЛУ ВЫТАСКИВАЕТ БУТЫЛЬ, ГДЕ НА ДНЕ ПЛЕСКА-
ЕТСЯ КЕРОСИН. ОН ЗАПРАВЛЯЕТ ЛАМПУ И БЕРЕТ
СПИЧКИ, ВОПРОСИТЕЛЬНО СМОТРИТ НА ЕКАТЕРИ-
НУ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Вы позволите?

ПЕШКОВА УЛЫБАЕТСЯ.

ПЕШКОВА:

Конечно. Наконец-то услышала ваш голос, товарищ Байтурсынов.

АХМЕТ ПОДЖИГАЕТ КЕРОСИНКУ. ЕКАТЕРИНА САДИТСЯ ЗА СТОЛ, СНОВА ЧИТАЕТ ЛИСТОК. АХМЕТ ПРОДОЛЖАЕТ СТОЯТЬ У СТОЛА.

ПЕШКОВА:

Не стойте, Ахмет, я – не начальник, да и вы больны. Сядьте. Или лучше лягте – еле на ногах держитесь.

АХМЕТ САДИТСЯ НА КРОВАТЬ. ЕКАТЕРИНА ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ КЛАДЕТ ЛИСТОК НА СТОЛ, РАЗГЛАЖИВАЕТ ЕГО. ПАПИРОСУ ТУШИТ О КОРПУС КЕРОСИНКИ И КИДАЕТ ОКУРОК НА СТОЛ.

ПЕШКОВА:

Я читала ваши переводы... Ваш друг, Алихан, меня снабдил. И это тоже читала – правда, там были несколько другие слова. Вы сами переводите?

АХМЕТ КИВАЕТ.

ПЕШКОВА:

Знаю о ваших сыновьях. Мне очень жаль.

БАЙТУРСЫНОВ КУТАЕТСЯ В ПОКРЫВАЛО. ПАПИРОСУ ОН УЖЕ ПОТУШИЛ ПАЛЬЦЕМ И НЕ ВЫПУСКАЕТ ОКУРОК ИЗ РУК. ПЕШКОВА ВСТАЕТ, СНИМАЕТ ТУЛУП С КРЮЧКА И НАКРЫВАЕТ ИМ АХМЕТА.

БАЙТУРСЫНОВ:

Как они умерли?

ПЕШКОВА ЗАСТЫВАЕТ НА МГНОВЕНЬЕ. ПОТОМ ТЯЖЕЛО САДИТСЯ НА СТУЛ. БЕРЕТ ЕЩЕ ПАПИРОСУ, НО НЕ ЗАКУРИВАЕТ, ПРОСТО ТЕРЕБИТ ЕЕ В ПАЛЬЦАХ. ПАУЗА.

ПЕШКОВА:

Не знаю, Ахмет, не знаю... Вы меня помните? Мы виделись как-то, очень давно.

БАЙТУРСЫНОВ:

Да, Екатерина Павловна. Москва, 19-ый год...

ЕКАТЕРИНА ОЗИРАЕТСЯ.

ПЕШКОВА:

Давно здесь обитаете?

БАЙТУРСЫНОВ:

Две недели... Наверное... Меня перевели сюда из лагеря – думаю, вашими стараниями. Спасибо вам, Екатерина Павловна...

ПЕШКОВА:

За что?! За что благодарите?!

ПЕШКОВА СТАНОВИТСЯ УДРУЧЕННОЙ.

ПЕШКОВА:

Я... Мы... Из-за нас все...

ОНА ЗАПИНАЕТСЯ, ОГЛЯДЫВАЕТСЯ НА ПЕЧКУ.

ПЕШКОВА:

Да и не просила я об этом. Тем не менее, я рада, что вам смягчили условия содержания. Как же холодно у вас! Как же рано зима приходит сюда – в Москве все еще бабье лето...

СХВАТИВ СПИЧКИ, ЕКАТЕРИНА РЕЗКО ВСТАЕТ, ИДЕТ К ПЕЧКЕ, ЗАКИДЫВАЕТ ТУДА ОСТАВШИЕСЯ ДРОВА. ПОДЖИГАЕТ. ОПЯТЬ СВЕРХУ ДОНОСИТСЯ КРЯХТЕНЬЕ.

ПЕШКОВА:

Как вы ее зовете, Ахмет?

БАЙТУРСЫНОВ:

Баба Лена.

ПЕШКОВА:

Не беспокойтесь, баба Лена, о дровах я тоже похлопочу!

ОНА БЕРЕТ САКВОЯЖ И ИДЕТ К СТОЛУ.

ПЕШКОВА:

Чем питаетесь тут, Ахмет? Голодны, небось? Глупый вопрос, извините...

БАЙТУРСЫНОВ:

Я в порядке, Екатерина Павловна, я в порядке... Баба Лена кормит меня рыбным бульоном, когда есть возможность... Ей тоже несладко...

ПЕШКОВА:

Я понимаю. Вот, скромные гостинцы – что могла провезти без порчи в дороге.

ОНА ВЫКЛАДЫВАЕТ НА СТОЛ ПАРУ КОНСЕРВОВ, ХЛЕБ, КАКИЕ-ТО ГАЗЕТНЫЕ СВЕРТКИ, БАНКУ С

МАСЛОМ. ПОСЛЕДНЕЙ НА СТОЛ СТАВИТСЯ БУТЫЛКА ВОДКИ.

ПЕШКОВА:

Ну, а это... Потом.

ЕКАТЕРИНА ВЫТАСКИВАЕТ СКЛАДНОЙ НОЖ ИЗ КАРМАНА ШТАНОВ, ОТКРЫВАЕТ ОДНУ ИЗ КОНСЕРВНЫХ БАНОК. СМОТРИТ ПО СТОРОНАМ – ИЗ ШКАФЧИКА В УГЛУ БЕРЕТ ТАРЕЛКУ, ЛОЖКУ И КРУЖКУ, СТАВИТ ВСЕ ЭТО НА СТОЛ. ВЫТЯХИВАЕТ ИЗ КОНСЕРВНОЙ БАНКИ СОДЕРЖИМОЕ НА ТАРЕЛКУ.

ПЕШКОВА:

Садитесь и кушайте, товарищ Байтурсинов.

КРЯХТЕНЬЕ С ПЕЧКИ.

ПЕШКОВА:

Вам останется, баба Лена! Садитесь!

ОНА ОТОДВИГАЕТ СТУЛ ОТ СТОЛА И СМОТРИТ НА АХМЕТА, НО ТОТ НЕ ДВИГАЕТСЯ С МЕСТА. ТОГДА ЕКАТЕРИНА БЕРЕТ СТОЛ С ДВУХ СТОРОН СО ВСЕМ, ЧТО ЕСТЬ НА НЕМ, И ПРИНОСИТ ЕГО К КРО-

ВАТИ, СТАВЯ ПРЯМО ПЕРЕД БАЙТУРСЫНОВЫМ. САМА ВОЗВРАЩАЕТСЯ К СТУЛУ, САДИТСЯ.

ПЕШКОВА:

Кушайте, Ахмет. И не обращайтесь на меня внимания – меня здесь нет, я неофициально, так что... Не стесняйтесь.

АХМЕТ БЕРЕТ ЛОЖКУ И НАЧИНАЕТ ЕСТЬ. ОТЛАМЫВАЕТ КУСОК ХЛЕБА, ЖУЕТ. НА ЕГО ГЛАЗАХ ПОЯВЛЯЮТСЯ СЛЕЗЫ. ОН ПЫТАЕТСЯ РУКАВОМ ВЫТЕРЕТЬ СЛЕЗЫ. ЕКАТЕРИНА ВЫТАСКИВАЕТ ПЛАТОК И ОТДАЕТ ЕГО АХМЕТУ – ОН ВЫТИРАЕТ ПЛАТКОМ ГЛАЗА.

БАЙТУРСЫНОВ:

Простите... Простите...

ЕКАТЕРИНА НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ СТОИТ РЯДОМ, ПОТОМ ОТХОДИТ ОТ АХМЕТА. СТОИТ, ОПУСТИВ ГОЛОВУ. ПОТОМ ПОДХОДИТ К СТОЛУ, БЫСТРО ОТКРЫВАЕТ БУТЫЛКУ ВОДКИ И ПЛЕСКАЕТ НЕМНОГО СЕБЕ В КРУЖКУ. ОТПИВАЕТ И КАШЛЯЕТ, ПРИЛОЖИВ РУКУ КО РТУ.

ПЕШКОВА:

Черти что! Какая гадость! Насколько я помню, вы не пье-

те, товарищ Байтурсинов... И правильно делаете.

ОНА САДИТСЯ НА СТУЛ, КОТОРЫЙ ОКАЗЫВАЕТСЯ
В ОДИНОЧЕСТВЕ ПОСРЕДИ КОМНАТЫ. АХМЕТ УЖЕ
НЕ ЕСТ.

ПЕШКОВА:

Это в лечебных целях. В любом случае, можете обменять
на что-либо необходимое.

БАЙТУРСИНОВ:

Спасибо вам, Екатерина Павловна...

ПЕШКОВА:

Да прекратите меня благодарить! Тошно от этого всего...

БАЙТУРСИНОВ МОЛЧИТ.

ПЕШКОВА:

Извините, извините... Я... Что-то не задалось у нас с вами
общение с самого начала, Ахмет – это моя вина, простите.
За многие годы мне впервые разрешили приехать в место,
подобное вашему... Все позабыла, совсем размякла в столи-
це. Вам надо держаться. Держаться. Ваша семья ждет вас...

ГЛАЗА АХМЕТА НАЧИНАЮТ СВЕРКАТЬ ОТ РАДО-

СТИ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Семья? Я увижу жену и дочь? Они приедут? Скажите! Не молчите! Когда это случится?

ПЕШКОВА:

Скоро, товарищ Байтурсынов, скоро, я привезла распоряжение о вашем переводе в Томск, к жене и дочке, как вы и просили...

АХМЕТ ВСКАКИВАЕТ С КРОВАТИ, ЧУТЬ НЕ ОПРОКИНУВ СТОЛ, ПРИПАДАЕТ К НОГАМ ЕКАТЕРИНЫ НА КОЛЕНЯХ, БЕРЕТ ЕЕ РУКИ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Благодарю вас! Благодарю вас!

ОН ЦЕЛУЕТ ЕЕ РУКИ. ЕКАТЕРИНА СПОЛЗАЕТ СО СТУЛА НА ПОЛ, ТОЖЕ ОКАЗЫВАЕТСЯ НА КОЛЕНЯХ ЛИЦОМ К ЛИЦУ С АХМЕТОМ.

ПЕШКОВА:

Не надо, Ахмет, все закончилось... Все закончилось...

ОНА ГЛАДИТ ЕГО ПО СЕДЫМ ВОЛОСАМ. ПОТОМ

ОНА ПОДНИМАЕТ ЕГО С КОЛЕН.

ПЕШКОВА:

Вставайте, Ахмет, мы не так молоды, чтобы вот так вот на полу сидеть... Пойдемте...

ЕКАТЕРИНА ВЕДЕТ ЕГО К КРОВАТИ, УСАЖИВАЕТ, СНОВА НАКИДЫВАЕТ НА НЕГО ТУЛУП. САДИТСЯ РЯДОМ. ПАУЗА.

БАЙТУРСЫНОВ:

Я не понимаю, почему вы решили лично мне сообщить об этом?

ПЕШКОВА ПОЖИМАЕТ ПЛЕЧАМИ.

ПЕШКОВА:

Выдался случай... Почти невозможный случай в наши дни. И я поехала. Три недели в пути, где по бездорожью и кочкам, где по глубоким снегам... Трудно к вам добраться. Полагаю, Алексей поспособствовал моему путешествию сюда.

БАЙТУРСЫНОВ:

Алексей... Максим Горький?

ПЕШКОВА:

Да, он самый. Он был тогда на нашей стихийной встрече в Москве, если помните...

БАЙТУРСЫНОВ:

Я помню. Помню, что он был не в духе...

ПЕШКОВА:

Да. Тогда он был другим. Теперь редко его увидишь в плохом настроении. Ему все хорошо. Большим оптимистом стал наш Алексей!

ОНА ДЕЛАННО СМЕЕТСЯ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Я помню вашего сына. Где он сейчас?

ПЕШКОВА ЗАСТЫВАЕТ, А ПОТОМ ПО СКЛАДАМ ВЫДАВЛИВАЕТ ИЗ СЕБЯ:

ПЕШКОВА:

Сын? Сын...

АХМЕТ СМОТРИТ НА НЕЕ С СОЧУВСТВИЕМ, ПОДОЗРЕВАЯ О ЧЕМ-ТО УЖАСНОМ. А ЕКАТЕРИНА ОЖИВЛЯЕТСЯ И ПРОДОЛЖАЕТ БОДРО:

ПЕШКОВА:

Ну да ладно. Скажите мне вот что, Ахмет – меня тогда в Москве поразила ваша прекрасная русская речь, вы знаете слова, о которых и многие русские не подозревают. Откуда в вас это? Тогда я хотела у вас спросить, но не осмелилась. Где вы учили русский?

БАЙТУРСЫНОВ:

В школе. Но большей частью русский я освоил самостоятельно, очень много читал...

ВДРУГ ОН СНОВА НАЧИНАЕТ ГОВОРИТЬ ЖАРКО:

БАЙТУРСЫНОВ:

Вы не знаете ничего о Бадрисафе, моей супруге? О дочери? Как их здоровье? Не слишком ли бедствуют они? Простите, простите... Я просто не могу об этом не думать... Вы удивлены – вы видели меня большим и сильным человеком, а теперь я... Кто я такой теперь? Ничего не хочу, ни о чем не думаю, лишь только о них... Меня, как и вас – меня, настоящего – здесь нет...

ПЕШКОВА:

Я ничем не лучше вас, дорогой мой, ничем...

БАЙТУРСЫНОВ:

Но вы сражаетесь!

ПЕШКОВА:

Нет. Я уже давно устала. И силы уже не те. Да что я жалу-
юсь, господи!

ОНА ВСТАЕТ.

ПЕШКОВА:

Но это не конец, Ахмет, это не конец. Все изменится. Ко-
гда-нибудь...

ОНА ЗАДУМЧИВО ОСМАТРИВАЕТСЯ.

ПЕШКОВА:

Нам бы чаю попить... Я не вижу чайника...

АХМЕТ ОЖИВЛЯЕТСЯ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Чай... Вы привезли чай? За печкой – чан с водой, а чай-
ник... Я никогда и не видел его здесь – баба Лена в чугушке
кипятит, я в кружке сразу... Возможно, чайник где-то в се-
нях. Да и нечасто у нас печка топится.

ПЕШКОВА:

Ясно. Баба Лена! Где у вас чайник?

В ОТВЕТ – МОЛЧАНИЕ.

ПЕШКОВА:

Померла, что ли?

БАЙТУРСЫНОВ:

Заснула. Здесь все много спят...

ПЕШКОВА:

Ну и хорошо, сама поищу.

ЕКАТЕРИНА ОТКРЫВАЕТ ДВЕРЬ И УХОДИТ В СЕНИ ДОМА. БАЙТУРСЫНОВ ОСТАЕТСЯ ОДИН В КОМНАТЕ, СИДИТ НА КРОВАТИ. ИЗ СЕНЕЙ ДОНОСИТСЯ ШУМ – ПЕШКОВА ИЩЕТ ЧАЙНИК. ВНЕЗАПНО ШУМ ПРЕКРАЩАЕТСЯ, ОСТАЕТСЯ ЛИШЬ ВОЙ МЕТЕЛИ ЗА ОКНОМ ДА ДАЛЕКИЙ ЛАЙ СОБАК. АХМЕТ ВЫПРЯМЛЯЕТСЯ, ПРИСЛУШИВАЯСЬ К ТИШИНЕ. ПОТОМ ОН МЕДЛЕННО ВСТАЕТ С КРОВАТИ, ОПИРАЯСЬ О СТОЛ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Екатерина Павловна... Екатерина... Товарищ Пешкова, с вами все хорошо?

ОН ДЕЛАЕТ НЕСКОЛЬКО ШАГОВ К ДВЕРИ, ОТТУДА ВЫХОДИТ ПЕШКОВА, ВЫТИРАЯ ГЛАЗА – ВИДИМО, ОНА ПЛАКАЛА. ПЕШКОВА УЛЫБАЕТСЯ, ПРИСЛОНЯЕТСЯ К КОСЯКУ СПИНОЙ, СНОВА ВЫТАСКИВАЕТ ПАПИРОСЫ, ИЩЕТ СПИЧКИ ПО КАРМАНАМ. БАЙТУРСЫНОВ ДАЕТ ЕЙ СПИЧКИ СО СТОЛА. ОНА ЗАКУРИВАЕТ. УЛЫБАЕТСЯ.

ПЕШКОВА:

Какая же я дура! С ума выжила от старости – есть же у меня чайник.

БАЙТУРСЫНОВ:

Не наговаривайте на себя, Екатерина Павловна, вы совсем не стары.

ЕКАТЕРИНА УСМЕХАЕТСЯ.

ПЕШКОВА:

Не стара... Да, не стара, конечно. Жизнь прожита, все в прошлом... Судя по вашему лицу, мой "оптимизм" вас не радует.

ЕКАТЕРИНА РЕЗКО САДИТСЯ У РЮКЗАКА РЯДОМ С ДВЕРЬЮ, КОПАЕТСЯ В НЕМ. АХМЕТ НАВИСАЕТ НАД НЕЙ ГРУЗНОЙ ФИГУРОЙ. ОНА ВЫТАСКИВА-

ЕТ ЧАЙНИК, СМОТРИТ НА БАЙТУРСЫНОВА СНИЗУ
ВВЕРХ. ПЕШКОВА ВСКАКИВАЕТ НА НОГИ И БЫСТРО
ИДЕТ К ЧАНУ С ВОДОЙ, НАЛИВАЕТ ВОДУ В ЧАЙ-
НИК И СТАВИТ ЕГО В ПЕЧКУ. ПОКА ОНА ВОЗИТСЯ,
БАЙТУРСЫНОВ ИДЕТ И САДИТСЯ НА СТУЛ ПОСРЕДИ
КОМНАТЫ.

ПЕШКОВА:

Наверное, целую вечность не пили чаю, товарищ Байтур-
сынов? Сейчас согреемся! Нет ничего лучше чая для этого
– вы это прекрасно знаете!

ПОСТАВИВ ЧАЙНИК, ОНА ПОВОРАЧИВАЕТСЯ К
АХМЕТУ.

ПЕШКОВА:

И потом – у нас давно нет ни оптимистов, ни пессимистов.
Остались только смирившиеся... Вы так не считаете?

ОНА ИДЕТ МИМО АХМЕТА К ОКНУ, СМОТРИТ ТУ-
ДА, ПРОДОЛЖАЯ КУРИТЬ.

ПЕШКОВА:

Ах, Ахмет, не думайте, что я потеряла надежду – эта до-
рога совершенно выбила меня из колеи, вот и накатывают
мысли всякие, нехорошие. Я все еще верю в лучшее, нам

бы только вытерпеть. Что там было на кольце? "И это пройдет"... И это пройдет, товарищ Байтурсинов, и это...

ВДАЛЕКЕ РАЗДАЮТСЯ ВЫСТРЕЛЫ, ЛАЙ СОБАК
УСИЛИВАЕТСЯ.

ПЕШКОВА:

Что это?

БАЙТУРСИНОВ:

Опять бежал кто-то, скорее всего.

ВЫСТРЕЛЫ ПРЕКРАЩАЮТСЯ.

ПЕШКОВА:

Поймали...

БАЙТУРСИНОВ:

Нет. Застрелили. Здесь никого не ловят.

ПАУЗА.

ПЕШКОВА:

Видимо, вы привыкли к этому, товарищ Байтурсинов.

БАЙТУРСИНОВ:

К такому не привыкнешь. Но, как вы говорите, смиряешься.

ПЕШКОВА ОПЯТЬ БРОСАЕТ ОКУРОК НА СТОЛ.

ПЕШКОВА:

Вы почти не ели, Ахмет. Поешьте.

БАЙТУРСЫНОВ:

Поедим вместе, Екатерина Павловна. Вам с дороги голодно должно быть.

ПЕШКОВА:

Ну давайте!

БАЙТУРСЫНОВ ВСТАЕТ И СТАВИТ СТУЛ У СТОЛА, ЧУТЬ ОТОДВИНУВ ЕГО. ОН РУКОЙ ПРИГЛАШАЕТ ПЕШКОВУ САДИТСЯ. ОНА САДИТСЯ, ОН ПРИДВИГАЕТ СТУЛ, БЕРЕТ ИЗ ШКАФЧИКА ЕЩЕ СТОЛОВЫЕ ПРИБОРЫ, ВЫКЛАДЫВАЕТ В ЧАШКУ ИЗ КОНСЕРВЫ СОДЕРЖИМОЕ, ПОТОМ САМ САДИТСЯ НА КРОВАТИ. ОНИ КУШАЮТ.

ПЕШКОВА:

Этот стих... Эта колыбельная на листке, – вы переводите сами свои же стихи. Зачем? Красивый перевод, кстати...

АХМЕТ ВЗДЫХАЕТ, ВЫПРЯМЛЯЕТСЯ, ПОЛОЖИВ
ЛОЖКУ НА СТОЛ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Находясь здесь, я перестал думать. Точнее, мыслить. Мыслить... А без этого... Ведь это главное для человека. Голод и боль – только эти две вещи волнуют здесь всех, об остальном думать нет сил. И мысли о семье в итоге тоже не дают ничего, кроме боли. Вот я и вспоминаю, что когда-то писал, а то, что удастся вспомнить, пытаюсь перевести на русский, насколько это в моих силах. Эти усилия создают иллюзию мысли и дают на время забыть о боли и голоде.

ПЕШКОВА:

"Слова без мыслей не доходят к небу..." Голод и боль... А как же страх? Страх ведь глушит любую мысль, не так ли?

БАЙТУРСЫНОВ:

Страх? Это так, верно. Но о нем я не говорю, потому что страх в основе всех других бед. Для меня... Для меня страх перестать думать сильнее любого другого страха.

ПЕШКОВА УСМЕХАЕТСЯ.

ПЕШКОВА:

Вы боитесь потерять умение мыслить. И это здесь, в одном из самых ужасных мест на Земле. А я боюсь думать. Просто думать, хотя бы о чем-нибудь. Я боюсь думать, живя в сытой и довольной Москве. Вот так, товарищ Байтурсинов.

ПЕШКОВА ВДРУГ СПОХВАТЫВАЕТСЯ И ОГЛЯДЫВАЕТСЯ НА ПЕЧКУ.

БАЙТУРСИНОВ:

Баба Лена спит, не беспокойтесь. Да если и не спит, вряд ли что-нибудь поймет из наших слов... Знаете, я вас понимаю. Думать нынче – большая роскошь. И, может быть, мне даже лучше здесь, чем вам там.

ПЕШКОВА:

О чем вы?!

БАЙТУРСИНОВ:

Те, кто попал сюда, уже умерли. И даже если кто-то из нас вернется, мы так и не оживем, никогда. Чего бояться мертвым?! Вы же все еще живы. Живы, и потому страх вас поглощает до самого нутра.

БАЙТУРСИНОВ ЧУТЬ УЛЫБАЕТСЯ.

ПЕШКОВА:

Вы, наконец, улыбнулись.

БАЙТУРСЫНОВ:

Просто... Наверное, я не прав в том, что сейчас сказал. Вы совсем немного здесь со мной, но я уже размышляю, и думаю я о том, о чем уже давно не думал, будто вы меня разбудили. Я все еще жив. Это удивительно. Жив... Странное ощущение...

ПЕШКОВА:

Конечно, живы – куда вы денетесь от нас! И ваша голова ясна, как прежде. И я жива. Курите, не жалейте табака. Я вам привезла запас табака, хватит до Томска, надеюсь.

ОНА КИДАЕТ НА СТОЛ КОРОБКУ ПАПИРОС И СПИЧКИ. АХМЕТ ЗАКУРИВАЕТ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Вы живы, и это тоже удивительно. Как он вас терпит?

ПЕШКОВА РЕЗКО ВСТАЕТ ИЗ-ЗА СТОЛА И МЕДЛЕННО ИДЕТ К ПЕЧКЕ, ЗАСУНУВ РУКИ В КАРМАНЫ ШТАНОВ. ГОВОРIT ГРОМКО:

ПЕШКОВА:

Он? Он – рассудителен, методичен, прозорлив в какой-то

мере. Его даже можно назвать мудрым. Враг повергается один за другим, и никому пощады нет. А некоторых бывших врагов он умеет превращать в преданных товарищей.

БАЙТУРСЫНОВ:

Как и вас?

ЕКАТЕРИНА ПОВОРАЧИВАЕТСЯ К НЕМУ С НЕСКОЛЬКО РАСТЕРЯННЫМ ВЫРАЖЕНИЕМ ЛИЦА.

БАЙТУРСЫНОВ:

Извините, сказал непозволительное...

ПЕШКОВА:

Нет, в чем-то вы правы. Но я никогда не была его врагом. Еще до революции я поняла, что нельзя вставать на его пути. Мое дело маленькое... И я безмерно благодарна ему, что он позволяет спасти хоть кого-то. А вот Максим, то есть, Алексей Максимович... Максим...

ПЕШКОВА ДВУМЯ РУКАМИ ВЗЛОХМАЧИВАЕТ СВОИ ВОЛОСЫ.

ПЕШКОВА:

Господи, так не должно быть, не должно быть...

БАЙТУРСЫНОВ:

Вы о чем?

ПЕШКОВА:

Нет, нет, ни о чем. О Горьком. Завидую его искренности. Ведь я знаю его очень хорошо – его преданность неподдельна. Он сюда приезжал как-то, вы его не видели?

БАЙТУРСЫНОВ:

Меня привезли чуть позже. Да если бы и встретились, он бы не вспомнил меня...

ПЕШКОВА ТИХО СМЕЕТСЯ.

ПЕШКОВА:

Вспомнил бы, поверьте – память у Горького чрезвычайно цепкая. Он ничего и никого не забывает. Может, поэтому они так близко сошлись, великий русский писатель и наш великий рулевой – оба помнят все, и радости, и обиды. За радость благодарят с лихвой, за обиду... Как же я его ненавижу...

ПЕШКОВА ВДРУГ САДИТСЯ У ПЕЧКИ НА ПОЛ, ПРИСЛОНЯЯСЬ К НЕЙ СПИНОЙ. АХМЕТ ПРИВСТАЕТ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Екатерина Павловна? Ваши слова могут дорого вам обойтись...

ПЕШКОВА:

Бросьте, Ахмет, кому мы нужны?! Бабе Лене?! Я-то уж точно теперь никому не нужна. Да и вы... помнят ли вас на родине? Что стало с вашими сыновьями?

БАЙТУРСЫНОВ САДИТСЯ И ОПУСКАЕТ ГОЛОВУ.
ПЕШКОВА СМЯГЧАЕТ ГОЛОС.

ПЕШКОВА:

Простите, простите, я не хотела... Простите. Что я несую?!

ОНА РАССТЕГИВАЕТ ВОРОТНИК ГИМНАСТЕРКИ
ПОД КУРТКОЙ.

ПЕШКОВА:

А здесь даже жарко. Сядьте со мной, товарищ Байтурсынов, у печки быстро согреетесь.

БАЙТУРСЫНОВ:

Спасибо, Екатерина Павловна, с моими больными негнущимися ногами мне трудно будет опуститься на пол.

ПЕШКОВА:

Я вам помогу. Прогреете свои кости, и вам полегчает.

БАЙТУРСЫНОВ МЕДЛЕННО ВСТАЕТ, БЕРЕТ ПАЛКУ-ТРОСТЬ, СТОЯЩУЮ У СПИНКИ КРОВАТИ. ИДЕТ К ПЕШКОВОЙ, СТОИТ РЯДОМ С НЕЙ. ОНА ПОМОГАЕТ ЕМУ ПРИСЕСТЬ НА ПОЛ У ПЕЧКИ, САМА САДИТСЯ РЯДОМ.

ПЕШКОВА:

Ну, как вам?

ОНА УЛЫБАЕТСЯ.

ПЕШКОВА:

Ездим на поездах, летаем на самолетах, пользуемся телеграфом, телефоном... А греемся у древней русской печи!

БАЙТУРСЫНОВ:

Русская печь, наша тюркская юрта... Какие-то вещи остаются неизменными. Может, это хорошо?

ПЕШКОВА:

Наверное...

ОНИ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ СИДЯТ МОЛЧА.

ПЕШКОВА:

На самом деле, я говорю я о своем дражайшем супруге, а не о... Таланта своего недюжинного он не потерял, и от этого все становится еще хуже! Но это ведь тоже талант – так мгновенно приловчиться к обстоятельствам, преобразовать свои внутренние убеждения до прямо противоположных... Не каждому дано.

БАЙТУРСЫНОВ:

Был ли у него выход?

ПЕШКОВА:

Выход всегда есть. В конце концов, мог бы и не возвращаться! Тогда, может быть, и сын остался бы жив...

АХМЕТ НАКЛОНЯЕТСЯ ВНИЗ, СМОТРИТ С СОЧУВСТВИЕМ НА ЕКАТЕРИНУ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Я не знал... Значит, ваш сын...

ПЕШКОВА:

Только без сочувствий и соболезнований, Ахмет, пожалуйста! Только не от вас.

ОНА ВСКАКИВАЕТ НА НОГИ.

ПЕШКОВА:

Вечно таскался за папой как привязанный. Вот и получил. Вот и получил. Чайник, кажется, закипел.

БАЙТУРСЫНОВ ПОВОРАЧИВАЕТСЯ К ПЕЧИ И ПЫТАЕТСЯ ВСТАТЬ.

ПЕШКОВА:

Сидите, сидите!

ОНА БЕРЕТ ПОЛОТЕНЦЕ НА КРЮЧКЕ С ПЕЧИ И БЕРЕТ ЧАЙНИК, ПРИ ЭТОМ ТИХО ПРОГОВАРИВАЯ ТЕКСТ ИЗ "НА ДНЕ" ГОРЬКОГО:

ПЕШКОВА:

"Неужто и на том свете мўка мне назначена? Неужто и там?" Пойдемте чай пить, Ахмет.

ОНА ПОМОГАЕТ АХМЕТУ ВСТАТЬ С ЧАЙНИКОМ В РУКЕ ВЕДЕТ ЕГО К СТОЛУ. ИЗ ГАЗЕТНОГО КУЛЬКА ЗАСЫПАЕТ В КРУЖКИ ЧАЙ И ЗАЛИВАЕТ КИПЯТКОМ. ОНИ САДЯТСЯ И ПЬЮТ, ЯВНО ОБЖИГАЯ ГУБЫ. ПЕШКОВА КАШЛЯЕТ.

ПЕШКОВА:

Вот старая калоша – забыла кружку сполоснуть. Теперь чай у меня с ароматом водки.

БАЙТУРСЫНОВ:

"Ничего не будет! Отдохнешь там!.. Потерпи! Все, милая, терпят... всяк по-своему жизнь терпит..."

ПЕШКОВА УДИВЛЕННО СМОТРИТ НА АХМЕТА.

БАЙТУРСЫНОВ:

Вспомнил я, откуда ваши слова. "На дне"! Не забыть такого – редко удавалось мне бывать в театре.

ПЕШКОВА:

Чай с водкой – надо запомнить этот рецепт.

ОНИ ОПЯТЬ МОЛЧАТ И ПЬЮТ ЧАЙ. ПЕШКОВА ОТКИДЫВАЕТСЯ НА СПИНКУ СТУЛА.

ПЕШКОВА:

Ну, и память у вас, товарищ Байтурсынов! Не знаю, почему эта пьеса вдруг в голове зазвучала... Ведь не любила я ее никогда, и Алексею это часто говорила. Ходульные, безжизненные, напыщенные диалоги, полные морализаторства и фальшивого пафоса... Так я ему говорила. Но... Может, прав Лука? Может, наши дети отдыхают там теперь? И нет у

них больше страданий и бед? И мы там отдохнем.

БАЙТУРСЫНОВ:

Отдохнуть можно и здесь.

ПЕШКОВА:

Но как? Как?

БАЙТУРСЫНОВ:

В нашей памяти. Вороша старое. Вы ведь так и делаете. Я тоже. Только это и помогает оставаться в разуме.

ЕКАТЕРИНА СОГЛАСНО КИВАЕТ. С ПЕЧИ ВДРУГ ДОНОСИТСЯ ХРИПЛЫЙ, ТИХИЙ ГОЛОС БАБЫ ЛЕНЫ:

БАБА ЛЕНА:

А Сережка-то мой в проруби утонул... Семнадцати годов... И не видел ничего на этом свете-то... Утонул мой Сережка...

БАБА ЛЕНА, ПОВЗДЫХАВ, СНОВА ЗАТИХАЕТ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Чаю выпьете, баба Лена?

БАБА ЛЕНА МОЛЧИТ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Она все слышала...

ПЕШКОВА:

Да и ладно. И потом – мы же договорились, что нас здесь нет, и не должно было быть, разве не так?

БАЙТУРСЫНОВ:

Да... Да, конечно. Каждый из нас в своей пустыне, с самим собой, или, точнее, с тем, что так и не сделано нами.

ПЕШКОВА:

Не сделано? Вы думаете, мы с вами мало что сделали? Если бы я так думала, я бы давно прыгнула вниз с какой-нибудь скалы! Мы много чего сделали, Ахмет! Много чего!

БАЙТУРСЫНОВ:

Много... Да, много. Но куда все это ушло? Вы чувствуете это? Вы видите глазами то, что сделано вами? Разве изменилось что-нибудь?

ПЕШКОВА:

Ахмет, извините, но я верю, что сейчас мы, возможно, не ощутим результатов наших с вами дел. Сейчас это сложно – мы слишком близко, мы внутри. Но в будущем... Поверь-

те, о нас не забудут и будут вспоминать все наши добрые и полезные дела, и даже мельчайшей детали наши потомки не упустят. Все вспомнят. Только это меня заставляет работать сейчас. Только это.

БАЙТУРСЫНОВ:

Малое утешение, Екатерина Павловна – благодарность потомков.

ОН БЕРЕТ ПАПИРОСУ, ХВАТАЕТ ТРОСТЬ И ВСКАКИВАЕТ ИЗ-ЗА СТОЛА НАСТОЛЬКО БЫСТРО, НАСКОЛЬКО ЭТО МОЖНО В ЕГО БОЛЬНОМ СОСТОЯНИИ. ХОДИТ ПО КОМНАТЕ, ИНОГДА ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ, МНЕТ ПАПИРОСУ В ПАЛЬЦАХ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Вы думаете, потомки оценят... Да, наверное. Но посмотрите вокруг – что останется от наших потомков, если все сохранится так, как сейчас, еще какое-то долгое время? Ведь это все надолго! На годы, на десятилетия! Кто будут те, кто родят этих потомков? Посмотрите... Ладно, с Россией я не особо знаком, но на моей земле, кажется, не осталось ничего и никого хорошего. Зависть, ненависть, низость, мелочность – все это обращается в доносы. Доносы обращаются в аресты. Аресты обращаются в казни. Кто останется в будущем? А те, кто был когда-то великодушным и честным, но хочет

выжить, становятся такими же, как все. Вы сами только что говорили про Горького – он искренне верит в праведность тех дел, что творятся сегодня! Если уж такие люди...

ПЕШКОВА:

Да. Правда ваша. Но выживать можно по-разному.

БАЙТУРСЫНОВ:

В выжженной степи не вырастут ни маки, ни тюльпаны, Екатерина Павловна! Вырастет мелкая трава да горькая полынь... И это будут наши потомки.

ПЕШКОВА:

Выживать можно по-разному, товарищ Байтурсынов. Послушайте себя – даже находясь здесь, ваше сердце борется, ваш разум не сдаётся. Вы свободны, на самом деле.

АХМЕТ УСМЕХАЕТСЯ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Свободен?! Свободен... Свободен... Да кому нужна эта свобода внутри, о которой вы говорите?! Если бы я был свободен, разве я дал бы погибнуть моим детям?! Я бы смог их защитить! Я бы их спас! Я бы их спрятал от всех этих... Казахская земля огромна, и можно укрыться от злобы на долгие годы, можно найти укромное место. Я бы уберёг их от

страданий. Но здесь – что я могу здесь? Ничего. Лишь думать да горевать.

ПЕШКОВА:

Как же ранят ваши слова...

БАЙТУРСЫНОВ:

Простите.

ОН ПРОДОЛЖАЕТ МЯТЬ ПАПИРОСУ. ПЕШКОВА ВСТАЕТ И ДАЕТ ЕМУ ОГНЯ, ЧИРКНУВ СПИЧКОЙ. АХ-МЕТ КУРИТ, ОПУСТИВ ГОЛОВУ.

ПЕШКОВА:

То, что вы сейчас говорите – это и мои мысли тоже. И они приводят меня в невероятное отчаяние. Это отчаяние так сильно, что превращается в равнодушие, в окаменелость души. Но вот увидела я вас, вижу сейчас вас в вашем живом отчаянии, в вашем нежелании быть слепым и не видеть ужасного – и ушло мое равнодушие. Не я вас разбудила, а вы меня. Вы сказали о потомках...

БАЙТУРСЫНОВ:

Не принимайте близко к сердцу, это я сгоряча.

ПЕШКОВА:

Вы сказали о потомках. Мне кажется, даже если сейчас нас всего горстка, тех, кто мыслит и чувствует, тех, кто в отчаянии – вот это все живое мы оставим потомкам.

БАЙТУРСЫНОВ:

Оставим наше отчаяние?

ПЕШКОВА:

Да! Отчаяние! Я верю, наше с вами отчаяние будет сильно их ранить и будоражить.

БАЙТУРСЫНОВ:

Вы в это верите?

ПЕШКОВА:

Да. Сейчас – да.

БАЙТУРСЫНОВ:

А не останется ли им ложь о том, что было все хорошо и прекрасно? Что люди жили великой надеждой на лучшее будущее, и этим были счастливы? И кто тогда вспомнит о нас? И ведь действительно – в массе своей народ сейчас окрылен тем, что они построят для будущего. Вы видели коменданта – ведь он искренне верит, что делает благое дело для страны. Как и большинство. А мы?

ПЕШКОВА:

Мы сильнее их, Ахмет. Нас мало, но мы сильнее. Вам ли не знать, что когда вы в меньшинстве, когда кажется, что ваш отчаянный голос тонет в общем хоре, тогда ваши силы вырастают в десятки раз!

БАЙТУРСЫНОВ:

Возможно. Но битва проиграна. Нас разгромили и уничтожили, Екатерина Павловна, и даже нет той горстки, о которой вы говорите. Все мертво.

ОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ К СТОЛУ, САДИТСЯ НА КРОВАТЬ. ПЕШКОВА КРИЧИТ:

ПЕШКОВА:

Нет! Нет! Нет!

БАЙТУРСЫНОВ ВЗДРАГИВАЕТ ОТ ЕЕ КРИКА. С ПЕЧИ РАЗДАЕТСЯ ИСПУГАННЫЙ ГОЛОС БАБЫ ЛЕНЫ:

БАБА ЛЕНА:

Господь с вами, матушка... Ох, горе-то какое... Горе-то какое...

ПЕШКОВА:

Все хорошо, баба Лена! Спите!

БАБА ЛЕНА:

Горе-то какое...

ПЕШКОВА НА КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ ЗАСТЫВАЕТ НА МЕСТЕ. ПОТОМ РЕЗКО ПОДХОДИТ К СТОЛУ, ОПИРАЕТСЯ О НЕГО РУКАМИ И ГОРЯЧО ГОВОРIT АХМЕТУ:

ПЕШКОВА:

Посмотрите на меня, товарищ Байтурсынов. Только что вы видели меня раздавленной, омертвевшей – такой я приехала к вам. Такой я была до последних минут. Но вот нас с вами двое! Нас всего двое, мы спорим друг с другом, мы соглашаемся, мы плачем – и мы ожили, словно Феникс восстал из пепла. В наших с вами словах отчаяния и надежды гораздо больше огня, чем вот в этой печи. Вы думаете, это все пропадет? Все это тлен, и даже никто не будет знать о нашей непростой беседе? Нет! Этот огонь не пропадет. Вы потеряли надежду, вы сникли – но это же все физическое, это ваши кости, ваше мясо, ваши ткани мозга – они устали, они не имеют сил дальше жить – не верьте им! Не верьте своему телу. Вы смотрите на меня почти с ненавистью... Это очень хорошо. Так и должно быть.

БАЙТУРСЫНОВ НЕОЖИДАННО УЛЫБАЕТСЯ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Странную вещь сейчас хочется сказать...

ПЕШКОВА

Говорите.

АХМЕТ ТУШИТ ПАПИРОСУ.

БАЙТУРСЫНОВ:

В таком воодушевлении вы видите мне девочкой-подростком, той, что грезит надеждами, и в чем уме таятся грандиозные планы... Простите.

ЕКАТЕРИНА СМЕЕТСЯ.

ПЕШКОВА:

Как юные героини Чехова?

БАЙТУРСЫНОВ:

Именно так.

ПЕШКОВА:

Ах, Ахмет, это же неплохо! Во мне еще не умер ребенок. И в вас, надеюсь, тоже. Ведь так?

АХМЕТ НАЛИВАЕТ СЕБЕ ЧАЮ. ПЬЕТ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Ребенок... Мне рано пришлось повзрослеть, Екатерина Павловна. Помню ли я еще того ребенка?

ПЕШКОВА:

Я знаю вашу историю, Ахмет. Вашего отца посадили, и с тех пор вы его не видели. Посадили за непокорность, так же, как и вас. Я знаю, что с малых лет вам пришлось выживать всеми возможными способами. Это ужасно...

БАЙТУРСЫНОВ:

Это не так ужасно, как звучит в ваших устах. Любой человек по природе своей способен выживать в самых трудных условиях. Ужасным было мое чувство в те годы. Чувство абсолютного одиночества, что для ребенка совершенно нестерпимая вещь.словно один в целом мире, и не к кому прислониться, не с кем поплакать. Потому как тебе нужно кормить семью, не огорчать мать своими страданиями, не давать сдаваться родным... Но тот ребенок, тот, у кого еще были и отец, и мать – он был безмерно счастлив! Вы правы, он еще жив во мне. Знаете, мне тогда казалось, что вся наша степь принадлежит мне! Я был мал, но, как всякий казах, ловко управлял лошадьёу, и сколько я ребенком проскакал по степи, просто так, навстречу солнцу, навстречу ветру, навстречу дождю и снегу! Вот где была свобода...

ПЕШКОВА:

А разве вы до сих пор не продолжаете это? Лететь на коне навстречу всем ветрам и бедам? Словно тот ребенок?

БАЙТУРСЫНОВ:

Вы говорите это с таким пафосом...

ПЕШКОВА:

Нет, я... Простите.

БАЙТУРСЫНОВ:

Иногда мне это снится. Да. Но я просыпаюсь, а вокруг все серое и черное. И это серое и черное нескончаемо. И тот ребенок из сна тут же умирает. Извините, мои мысли сбивчивы и нелогичны. Видно, чай меня сморил, клонит спать, и мысли путаются от этого.

ПЕШКОВА:

Так поспите, товарищ Байтурсынов. Отдохните.

БАЙТУРСЫНОВ:

Нет. Нельзя. Я засну, а времени у вас мало, вы же сегодня уезжаете?

ПЕШКОВА:

Да. Через пару часов должна отбыть, к сожалению.

БАЙТУРСЫНОВ:

Вот. Я засну, а когда проснусь, вас уже не будет, и тогда вы превратитесь в тот же сон, будто и не было ничего – ни вас, ни нашего горячего разговора, ни этого чая, ни огня в печи, который так редок... Все станет сном, все существенное снова исчезнет...

ПЕШКОВА САДИТСЯ РЯДОМ С НИМ НА КРОВАТЬ.

ПЕШКОВА:

Вспомните о чем-нибудь хорошем, чтобы не заснуть. Как вы говорите, "вороша прошлое".

АХМЕТ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ МОЛЧИТ, ОПУСТИВ ГОЛОВУ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Хорошее не вспоминается. Чтобы не заснуть... Я вот у вас спрашивал, как погибли мои сыновья. Вы тогда загнулись. Вы знаете. Я ведь не спросил – за что. Потому что я уже знал, КАК их убили. Земляки здесь передали. Как только я узнал об их смерти, о том, как это произошло – я чуть не умер. Я хотел бежать, чтобы быть убитым при побеге. И только мысль о Бадрисафе и Шолпан меня удержала от страшного.

И потом мои убитые сыновья сказали мне с небес: "Не умирайте, отец. Не умирайте...". Я услышал их голоса в лихорадочном сновидении, в ночь перед тем, как собирался пойти под пули. В том сне, в том кошмаре – я ведь и не спал в действительности, а просто бредил – так вот, в этом бреде я увидел их смерть воочию, в подробностях. Как лошади били копытами о землю, пытаюсь разорвать их малые, но крепкие тела. Как они кричали от невыносимой, неземной боли.

БАЙТУРСЫНОВ ЗАМОЛКАЕТ, НЕ В СИЛАХ БОЛЬШЕ ГОВОРИТЬ. ПЕШКОВА СИДИТ РЯДОМ, БУДТО ОКАМЕНЕВ. АХМЕТ ПОВОРАЧИВАЕТ ГОЛОВУ К НЕЙ И СМОТРИТ ПРИСТАЛЬНЫМ ВЗГЛЯДОМ.

БАЙТУРСЫНОВ:

У нас с вами одна боль на двоих.

ПЕШКОВА:

Не должны дети умирать. Не должны дети так умирать. Лошадьми... Разорвать... Это... Это...

ПЕШКОВА ЧУТЬ НЕ ПЛАЧЕТ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Людская ненависть не смотрит на возраст – дети, мужчины, старики, женщины – ненависти все равно. И после ги-

бели сыновей я почувствовал, что грядет нечто ужасное по всей земле. Эту ненависть не остановить, она будет только расти и расти. И миллионы погибнут в ее чреве. То, что происходит на моей родине, что существует здесь – это всего лишь легкая прелюдия к большой человеческой трагедии, трагедии неминуемой.

АХМЕТ УСМЕХАЕТСЯ.

БАЙТУРСЫНОВ:

И вы это чувствуете, я вижу. Тут и оракулом не надо быть, на самом деле.

ПЕШКОВА:

Да. Ненависть. Я чувствую то же самое. Но отгоняю это предчувствие, это ощущение неминуемости ужасного, более ужасного, чем то, что есть сейчас, занимаясь делами. Это мало помогает, но если кому-нибудь от моих дел становится легче, то и мне немного легчает. Я – эгоистка, товарищ Байтурсинов!

ПЕШКОВА ГОРЬКО УЛЫБАЕТСЯ. БАЙТУРСЫНОВ
УЛЫБАЕТСЯ В ОТВЕТ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Тогда вы – невиданный доселе тип эгоистки, которая спа-

сает людей.

ПАУЗА.

ПЕШКОВА:

Я ведь к вам не из Москвы – из Воронежа. Из теплыни да в мороз. Какая огромная у нас с вами страна – все сезоны можно пройти в трехнедельном путешествии.

БАЙТУРСЫНОВ:

Надолго ли.

ПЕШКОВА:

Что – надолго?

БАЙТУРСЫНОВ:

Надолго ли она останется такой – огромной?

ПЕШКОВА:

Вы имеете в виду что-то вроде колосса на глиняных ногах?

БАЙТУРСЫНОВ:

Да, что-то вроде этого. Правда, я не имею понятия, как долго этот колосс простоит. Возможно, вечно.

АХМЕТ ВЗДЫХАЕТ.

ПЕШКОВА:

Не могу с вами согласиться насчет колосса. Вопрос ведь не в размерах страны, а в том, что в ней происходит.

БАЙТУРСЫНОВ:

Все это связано – и огромность наших просторов, и миропорядок на этих землях. В этом хрупкость. И никакая самая сильная рука не сможет вечно удерживать это великое пространство. Но в этой стране многое происходит впервые в мире. И, может быть, мое видение хрупкости страны ложное, и она просуществует очень долго, принося страдания как своему народу, так и другим...

ПЕШКОВА:

Ох, Ахмет, слава богу ваша хозяйка мало смыслит в ваших словах, иначе...

БАЙТУРСЫНОВ:

Простите, Екатерина Павловна, за мою неосторожность – больше всего не хочу, чтобы вы попали в беду из-за моих слов. Расслабился я по неизвестной причине, хотя мне надо думать о возвращении к своей семье. А я тут несу чушь, пугая и вас, и бабу Лену...

ПЕШКОВА:

Это не чушь. Вам просто надо выговориться, чтобы не сойти с ума. Я боюсь – да, вы правы – боюсь ваших резких слов. Но этот страх инстинктивный, а, значит, животный, дикий, и как человек разумный, я понимаю бессмысленность этого страха. Говорите и не бойтесь, и я постараюсь обуздать свои страхи – это все фантомы, призраки, просто надо найти силы пройти сквозь них. Еще чаю?

БАЙТУРСЫНОВ:

Не откажусь, Екатерина Павловна.

ПЕШКОВА НАЛИВАЕТ ЕМУ И СЕБЕ ЧАЮ. ПОТОМ ДОЛИВАЕТ СЕБЕ В ЧАЙ ВОДКИ. ОНА УЛЫБАЕТСЯ.

ПЕШКОВА:

Что добру пропадать-то, Ахмет! Я немного.

БАЙТУРСЫНОВ:

Конечно, пейте. Вам нужно с дороги.

ПЕШКОВА:

Нужно ли?

ОНА ОТПИВАЕТ, КАШЛЯЕТ, БЫСТРО ВЫТАСКИВАЕТ ИЗ КОРОБКИ ПАПИРОСУ, ЗАКУРИВАЕТ.

ПЕШКОВА:

Как мог человек придумать такую мерзкую вещь, как водка?!

ОНА СМЕЕТСЯ.

ПЕШКОВА:

Опять глупость сказала – человек и не такое придумывал... Что же мы за существа такие?

ОНА ОСМАТРИВАЕТСЯ, КУРИТ.

ПЕШКОВА:

Что же мы за существа такие... Я читала ваше дело, Ахмет.

БАЙТУРСЫНОВ:

Я прекрасно знаю свое дело – следователь был достаточно добр и открыт ко мне, и рассказывал все откровенно. Правда, при этом часто смеялся...

ПЕШКОВА:

Смеялся?!

БАЙТУРСЫНОВ:

Да. Мы все ему были смешны. Он называл нас крысами в клетке, которые перегрызают друг другу глотки, и счастливы от этого. В общем-то, он прав, Екатерина Павловна...

ПЕШКОВА:

Прав?! Вас же посадили по лжи, и вы это знаете!

БАЙТУРСЫНОВ:

Ложь ли это? Солгали ли в том доносе на меня? Я уже не уверен. Может, я действительно виновен? Желать хотя бы маленькой толики свободы для своего народа, игнорируя великие цели страны – разве это не преступление? И зачем она нужна, эта свобода? Я не знаю. Не знаю...

ПЕШКОВА:

Значит, вы знаете, кто на вас донес?

БАЙТУРСЫНОВ:

Конечно. Близкий товарищ. Хороший человек.

ПЕШКОВА:

Я не первый раз с этим сталкиваюсь, к сожалению. И не могу понять. Видимо, не хватает мне вашей мудрости.

БАЙТУРСЫНОВ:

О чем вы, Екатерина Павловна?

ПЕШКОВА:

Сколько встречаюсь с заключенными – почти все прощают своих доносчиков. Даже не прощают, а не считают их виновными в своих злоключениях. Будто так и должно быть, будто это закон жизни, чтобы ваш ближайший товарищ, соратник предал вас. Не понимаю.

БАЙТУРСЫНОВ:

Трусость – не есть предательство.

ПЕШКОВА:

Трусость ли? Слишком просто, если все от трусости. А не сознательное ли это предательство из зависти, из внутренней звериной злобы, которая сидит в каждом из нас? Не предательство ли это от бессилия и осознания собственной ничемности в сравнении с товарищами, мыслящими широко и глубоко, как, например, вы? Не предательство ли это от желания большей власти и влияния среди своих сородичей? Желания стать великим за счет тех, кто выше по духу? Я читала тот донос – сколько в нем было пламенного и искреннего негодования и обличительства в ваш адрес! Сколько в нем было ярких слов и убедительных в своей художественности фраз! А вы говорите, близкий товарищ... Не понимаю.

ПАУЗА.

БАЙТУРСЫНОВ:

Слишком вы уж высокого мнения обо мне.

ПЕШКОВА:

Нет, Ахмет, нет, я совсем не о том...

АХМЕТ ПЕРЕБИВАЕТ ЕЕ:

БАЙТУРСЫНОВ:

А что в Воронеже? Бабье лето, небось?

ПЕШКОВА СНАЧАЛА ОПЕШИЛА ОТ РЕЗКОЙ СМЕ-
НЫ ТЕМЫ, А ПОТОМ ОНА КИВАЕТ С УЛЫБКОЙ.

ПЕШКОВА:

Да, оно самое – красно-золотая осень с неярким, но очень теплым солнцем, без ветра, без дождей... Благодать! Но бог с ним, с Воронежем, там у меня ничего не вышло, того, чего хотела. Вот что меня воодушевило – это Калуга, куда заехала по пути.

БАЙТУРСЫНОВ:

А что там? В Калуге?

ПЕШКОВА:

Рассказали мне про одного старого чудака-ученого. Рассказывали всякое... Встретилась я с ним, хоть и редко он кого принимает. Какой великолепный старик! Какой великий мечтатель!

БАЙТУРСЫНОВ УСМЕХАЕТСЯ. ПЕШКОВА ЗАМЕЧАЕТ ЕГО УСМЕШКУ.

ПЕШКОВА:

Да, да! Великий мечтатель! Его рассказы о покорении космоса, его изобретения и устройства, которыми он хочет снабдить человечество для этого, эти самые странные, но чудесные ракеты – все это настолько огромно, неожиданно и даже пугающе, что вы поневоле начинаете ему верить! И я поверила! И верю, что через короткое время наша страна сможет выполнить его мечты – он заставил меня в это поверить! Когда слушаешь его – это так понятно и логично, и понимаешь, что нет другого выхода у человека, кроме как уходить дальше ввысь, в космос, к Луне, к Марсу и дальше! Ох, извините. Я будто очутилась в его космических мечтах, когда мы с вами находимся здесь, в морозе да при еле греющей печке... Дрова бы подкинуть.

ВДРУГ СНОВА ДОНОСИТСЯ ХРИПЛЫЙ ГОЛОС БАБЫ ЛЕНЫ.

БАБА ЛЕНА:

Греет печка-то, греет, не наговариваете, милая... Греет печка, греет...

АХМЕТ И ЕКАТЕРИНА ПЕРЕГЛЯДЫВАЮТСЯ.

ПЕШКОВА:

Отменный слух у вашей хозяйки...

БАЙТУРСЫНОВ:

Не беспокойтесь – это она сквозь сон. А вообще она глуховата.

ПЕШКОВА:

И не скажешь.

ВДРУГ ОНА УЛЫБАЕТСЯ.

ПЕШКОВА:

В этом тот человек, мечтатель, схож с бабой Леной – тот тоже едва слышит. Приходилось кричать.

БАЙТУРСЫНОВ:

А как его зовут, вашего мечтателя?

ПЕШКОВА:

Фамилия у него интересная – Циолковский. Константин Эдуардович.

ПЕШКОВА ПОТЯГИВАЕТСЯ, ЗАКИНУВ РУКИ ЗА ГОЛОВУ.

ПЕШКОВА:

Там, в Калуге, я побывала в будущем, не понимая, то ли это его великие научные открытия, то ли предсказания сумасшедшего старика.

ПАУЗА. ПАПИРОСА ОБЖИГАЕТ ПАЛЬЦЫ ПЕШКОВОЙ, И ОНА РОНЯЕТ ЕЕ НА ПОЛ. САДИТСЯ НА ПОЛУ НА КОЛЕНИ, ИЩЕТ ОКУРОК, НАХОДИТ, ПОДНИМАЕТСЯ НА НОГИ. ОНА ТУШИТ ОКУРОК О БОРТ КЕРОСИНКИ. ПЕШКОВА КАК-ТО ССУТУЛИТСЯ, ОПЕРШИТЬ РУКАМИ О СТОЛ И ОПУСТИВ ГОЛОВУ. СТОИТ СПИНОЙ К СЦЕНЕ.

ПЕШКОВА:

А вот в Воронеже...

БАЙТУРСЫНОВ:

Космос... Да. Значит, он думает, что человеку возможно обитать там, в черной пустоте?

ПЕШКОВА:

Конечно! Он даже придумал удивительные и удобные устройства для человеческой жизни там, где жить невозможно. Там, где жить... невозможно... Вы правы – я глупая гимназистка...

НА МИГ ВООДУШЕВИВШИСЬ, ЕЕ ГОЛОС РЕЗКО ПАДАЕТ. ПАУЗА.

БАЙТУРСЫНОВ:

Знаете – может, устроившись там, в космосе, люди наконец-то начнут устраивать жизнь на Земле, Екатерина Павловна? Может, это движет вашим мечтателем? Кажется, ему больнее чем нам с вами, оттого он и бежит туда, в бесконечность и в безвоздушность, подальше отсюда...

ПЕШКОВА ЧУТЬ НЕ ПЛАЧЕТ, СЛЕГКА КАСАЕТСЯ РУКИ БАЙТУРСЫНОВА.

ПЕШКОВА:

Может быть, Ахмет, может быть.

БАЙТУРСЫНОВ:

А что Воронеж? Расскажите, если можно!

АХМЕТ БЕРЕТ ПАПИРОСУ, НЕ ТОРОПЯСЬ, ЗАКУ-

РИВАЕТ.

ПЕШКОВА:

Воронеж... Воронеж...

ОНА НАЧИНАЕТ БЫСТРО ХОДИТЬ ПО КОМНАТЕ
ТУДА-СЮДА И ГОВОРИТЬ ГОРЯЧО:

ПЕШКОВА:

Получили мы на почту Политкреста письмо из Воронежа. Подписано – О.М. И адресовано лично мне. Письмо гневное, сумбурное, обвиняющее меня в бездействии. Обидное письмо, весьма обидное. Человек писал изящными, хлесткими словами, словно бьющими меня по щекам. Очень талантливый человек! Даже гений! Он говорил, что был наказан незаслуженно, что он всего лишь поэт, а никакой не политик – ни эсер, ни меньшевик, ни троцкист – просто поэт, и потому, видите ли, не знал цену своего неосторожного слова! Ну что за дитя?! Не знать цену слова в наши времена – это подобно самоубийству! Он или глуп, или, наоборот, слишком умен... А, может, и ни того, и ни другого. Он – просто поэт. Поэт! Какое высокое предназначение! И какое мелочное, склочное письмо, обвиняющее меня в немыслимых грехах! Но он ведь прекрасно знает, что никакими полномочиями Политический Красный Крест не наделен! Мы – просто фикция! Мы – никто! Вот на ракету товарища Циолковского

бы его – и в космос, этого О.М.!

ПЕШКОВА, РАССТРОЕННАЯ, САДИТСЯ НА СТУЛ, ОПЕРШИСЬ ЛОКТЯМИ О КОЛЕНИ. АХМЕТ ЕДВА УЛЫБАЕТСЯ.

БАЙТУРСЫНОВ:

На ракету, и в космос?! Какое завидное путешествие. Я бы сам не отказался.

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА УСМЕХАЕТСЯ.

ПЕШКОВА:

Я бы тоже.

ПАУЗА.

БАЙТУРСЫНОВ:

Кто такой, этот О.М.?

ПЕШКОВА:

Кто он такой? Этот О.М. – действительно не с нашей планеты. Талантлив безумно. Спасти бы его. Но, к сожалению, О.М. обречен. ОН такое не прощает... Так вы не знаете поэта Мандельштама?

БАЙТУРСЫНОВ:

Так это он, этот загадочный О.М.? Имя слышал, но, к стыду своему, ни одной его строчки не читал – с русской культурой я на вы, товарищ Пешкова.

ПЕШКОВА:

Чего тут стыдится... Да и невелика птица, этот Мандельштам.

БАЙТУРСЫНОВ:

Невелика... Но ведь сделал нечто, крайне неудобное ЕМУ, как я понял из ваших слов.

ПЕШКОВА:

Сделал. Да. Многие оказываются в этих местах без всяких причин, но в его случае... Удивительно, что он еще жив, да и находится в более комфортных условиях, чем вы. Видимо, смилостивились над ним, как над убогим. До поры, до времени.

БАЙТУРСЫНОВ:

И в чем же он вас обвиняет конкретно? Вы же на самом деле бессильны, извините за такие слова...

ПЕШКОВА:

Все верно – бессильны, Ахмет. Обвиняет в том, что по-

могли недостаточно, что сидят они с женой там, в Воронеже без работы, голодают, чуть ли не побираются.

ВДРУГ ПЕШКОВА СМЕЕТСЯ.

ПЕШКОВА:

И через все его письмо сквозь строки проглядывает праведный гнев поэта, что его бедственное положение, видите ли, не соответствует его несомненному величию!

БАЙТУРСЫНОВ:

Возможно, так и есть.

ПЕШКОВА:

Вы правы – так и есть. Но таких, как он – тысячи! Тысячи невероятно умных, талантливых, удивительных личностей, испытывающих непомерные страдания... Вас всех не спасти, Ахмет! Никого из вас не спасти...

ПАУЗА.

БАЙТУРСЫНОВ:

Что же он все-таки сделал? Хотелось бы узнать, Екатерина Павловна.

ПОМЕДЛИВ, ПЕШКОВА БЕРЕТ КАРАНДАШ И ОТ-

РЫВАЕТ ОТ ОДНОГО ИЗ СВЕРТКОВ КУСОК ГАЗЕТЫ. ОНА СМАЧИВАЕТ КОНЧИК КАРАНДАША ВО РТУ И ЧТО-ТО ПИШЕТ НА ЭТОМ КЛОЧКЕ. ПОТОМ ОТДАЕТ ЭТОТ КЛОЧОК АХМЕТУ. ТОТ ЧИТАЕТ. СНОВА ПАУЗА. АХМЕТ СМИНАЕТ ЭТОТ КУСОК ГАЗЕТЫ И СЖИГАЕТ ЕГО НАД ОГНЕМ КЕРОСИНКИ. БРОСАЕТ ГОРЯЩИЙ КОМОК БУМАГИ НА СТОЛ. ИХ ЛИЦА ОСВЕЩЕНЫ УГАСАЮЩИМ ОГНЕМ. ПЕШКОВА ВДРУГ ШЕПЧЕТ:

ПЕШКОВА:

Мы живем, под собою не чуя страны...

БАЙТУРСЫНОВ:

Мы живем, под собою не чуя страны...

ПЕШКОВА:

Мы живем, под собою не чуя страны...

БАЙТУРСЫНОВ:

Мы живем, под собою не чуя страны...

ОНИ ВТОРЯТ ЭХОМ ДРУГ ДРУГУ, ИХ ГОЛОСА ЕДВА ШЕЛЕСТЯТ ПРИ ТРЕСКЕ ОГНЯ В ПЕЧИ И ЗАВЫВАНИИ СНЕЖНОЙ МЕТЕЛИ ЗА ОКНОМ. БУМАГА ГАСНЕТ, ТЛЕЯ, И КЕРОСИНКА ЗАТУХАЕТ. СТАНОВИТСЯ

СОВСЕМ ТЕМНО – ЛИШЬ ТУСКЛЫЙ СИНИЙ СВЕТ ИЗ ОКНА ДА КРАСНЫЙ ОГОНЕК В ПЕЧИ ГОРЯТ ПЯТНАМИ ПО ОБОИМ СТОРОНАМ СЦЕНЫ. В ТЕМНОТЕ ЗВУЧИТ ГОЛОС АХМЕТА:

БАЙТУРСЫНОВ:

Никого из нас не спасти.

ЗА ОКНОМ НЕИСТОВО ЗАЛАЯЛИ И ЗАВЫЛИ ЛАГЕРНЫЕ ПСЫ, А ПОТОМ СНОВА ЗАМОЛКЛИ. МЕТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ НАДРЫВАТЬСЯ, И ЗВУЧИТ В ТЕМНОТЕ ТРЕВОЖНАЯ, ПРОНЗИТЕЛЬНАЯ МУЗЫКА.

СНОВА ЗАГОРАЕТСЯ КЕРОСИНКА. ПОСРЕДИ КОМНАТЫ НА ТАБУРЕТАХ ДРУГ ПРОТИВ ДРУГА СИДЯТ ПЕШКОВА И БАЙТУРСЫНОВ. ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА УЖЕ ПЛОТНО ЗАСТЕГНУТА В ТУЛУП, У ЕЕ НОГ ЛЕЖИТ СОБРАННЫЙ ВЕЩМЕШОК. НА ПЛЕЧИ АХМЕТА НАКИНУТО ДЫРЯВОЕ ПОКРЫВАЛО. ЭТО – ПРОЩАНИЕ. ПЕШКОВА БЕРЕТ РУКИ АХМЕТА В СВОИ РУКИ.

ПЕШКОВА:

Ахмет. Так толком и не поговорили.

БАЙТУРСЫНОВ:

Так и не поговорили, Екатерина Павловна.

ПЕШКОВА:

Мне тоже не спастись, товарищ Байтурсынов.

БАЙТУРСЫНОВ:

Где-то там... Возможно где-то там мы с вами спасемся.

ПЕШКОВА:

Где-то там. Да. Но где? В бога я не верю...

БАЙТУРСЫНОВ:

Можете не верить, но где-то там нас ждут наши дети. Мои Аумат, Казихан. Ваш Максим.

ПЕШКОВА:

Да, мой Максим. Он ждет... Ждет...

НЕ ВЫДЕРЖАВ, ПЕШКОВА ВЫТИРАЕТ СЛЕЗУ С ЩЕКИ. ОНА ОТКРЫВАЕТ КОРОБКУ И ВЫТАСКИВАЕТ ПАРУ ПАПИРОС, ОДНУ ОТДАЕТ АХМЕТУ. ОНИ ЗАКУРИВАЮТ. ДЫМ. РАСПАХИВАЕТСЯ ДВЕРЬ, И СНОВА ВОЗНИКАЕТ ОГРОМНАЯ ТЕНЬ КОМЕНДАНТА. ЗВУЧИТ ЕГО ГРОЗНЫЙ ГОЛОС:

КОМЕНДАНТ:

Осужденный Байтурсынов! Встать! Соблюдайте дистан-

цию!

АХМЕТ РЕЗКО, НАСКОЛЬКО ПОЗВОЛЯЕТ ЕГО ГРУЗНОЕ И БОЛЬНОЕ ТЕЛО, ВСКАКИВАЕТ, ОПРОКИНУВ ТАБУРЕТКУ, ОТБЕГАЕТ И СТАНОВИТСЯ У СТОЛА, ВЫТЯНУВ РУКИ ПО ШВАМ. ПЕШКОВА МЕДЛЕННО ПОДНИМАЕТСЯ НА НОГИ, С ЖАЛОСТЬЮ ГЛЯДЯ НА БАЙТУРСЫНОВА.

КОМЕНДАНТ:

Поедьте, Екатерина Павловна! Надо к поезду успеть.

ТЕНЬ КОМЕНДАНТА УМЕНЬШАЕТСЯ И ИСЧЕЗАЕТ. ПЕШКОВА СМОТРИТ НА СМУЩЕННОГО ОТ СОБСТВЕННОГО СТРАХА АХМЕТА.

ПЕШКОВА:

Я оставлю чайник. Вам нужнее.

АХМЕТ СЛЕГКА КИВАЕТ. ПЕШКОВА НАДЕВАЕТ ШАПКУ, БЕРЕТ ВЕЩМЕШОК И, ЧУТЬ ЗАМЕШКАВШИСЬ, ИДЕТ К ДВЕРИ.

БАЙТУРСЫНОВ:

В одном наша надежда, Екатерина Павловна. Иначе не выдержать всего этого.

ПЕШКОВА ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ В ДВЕРЯХ.

БАЙТУРСЫНОВ:

Нас здесь нет. И никогда не было.

ПЕШКОВА:

Да. Никогда. Нас никогда здесь не было. Никогда, Ахмет.

ОНА ВЫХОДИТ НА УЛИЦУ, ЗАБЫВ ЗАКРЫТЬ ЗА СОБОЙ ДВЕРЬ. ДВЕРЬ ХОДИТ ТУДА-СЮДА ОТ СТУДЕННОГО ВЕТРА С УЛИЦЫ. ЗА ОКНОМ МЕЛЬКАЮТ ФАРЫ УЕЗЖАЮЩЕЙ МАШИНЫ. АХМЕТ ПО-ПРЕЖНЕМУ СТОИТ У СТОЛА. С ПЕЧИ РАЗДАЕТСЯ ХРИПЛЫЙ ГОЛОС БАБЫ ЛЕНЫ:

БАБА ЛЕНА:

Поспи, Ахметик, поспи, дорогой, нет в ногах правды. Поспи. Одно нам, старым, уготовано – спать побольше да помереть попозже. Поспи, Ахметик, поспи.

ХЛОПАЕТ ДВЕРЬ, ЗАВЫВАЕТ МЕТЕЛЬ, ЛАЮТ СОБАКИ, ЗВУЧИТ ПЕЧАЛЬНАЯ МУЗЫКА. И СТОИТ ОДИНОКАЯ ФИГУРА АХМЕТА БАЙТУРСЫНОВА. И ЗВУЧАТ ЕГО СТИХИ:

Мы в утлой, старой, ветхой лодке
Сидим без весел, без ветрил.
Дёрем мы, споря, свои глотки,
Плывем... А сумрак путь затмил.
Плывем туда, куда нас волны,
Как щепку могут отнести.
Одни проклятия и стоны
Никак не смогут нас спасти
И до судьбы такой плачевной
Мы не сегодня добрались,
Уже давно, единство предав,
Мы по лачугам разбрелись.
Сшибаясь, грызлись мы друг с другом,
Считали сена каждый стог...
Устав терпеть вражду и ругань,
Другим угодыя отдал Бог.
Вот тут-то мы и прослезились:
“Пристать бы к берегу, вот-вот...”
Но с мыслью многие смирились:
“Что отнял Бог, то Бог вернет”.

ЗАНАВЕС. КОНЕЦ СПЕКТАКЛЯ.